

Вот такой богатый сэр

“Народного артиста” ему не дали в Советском Союзе. Наоборот, долгие годы одно имя – Вилли Токарев – служило синонимом предельного падения и предательства. Не дадут ему “народного” и в России. Во-первых, по паспорту он вот уже два десятка лет как американец, во-вторых, жанр его песен якобы “низковат”, в-третьих...

вскоре поступил в училище при консерватории.

– Помню одну фотографию конца шестидесятых. Там вы сняты на сцене со своим контрабасом и смотрите настоящей звездой.

– Тогда я играл в ансамбле у Анатолия Кролла. Самого Кролла, кумира тогдашней эстрады! Школу я у него прошел хорошую: научился аранжировке, импровизации. Моя популярность в самом ансамбле была непомерно велика... за счет громадного футляра от контрабаса. Его у меня друзья постоянно одалживали. И чего только с ним ни делали! Кто-то в нем девушку в общежитие проносил, а кто-то, наоборот, выносил с фабрики, где мы выступали, продукты. Однажды вынесли целый контрабас сосисок: охрану чуть кондрат не хватил, когда она увидела контрабас, от которого пар столбом валил.

– Значит, уже тогда – в начале 70-х у вас уже было все: престижная работа, способности, даже слава... Чего же вам не хватало?

– С одной стороны, действительно было все. Тогда я уже начал приобретать известность и как

автор-исполнитель, были гастроли на Север, где меня просто носили на руках. Я о Севере тогда целый цикл песен написал – правда, по заказу... однако постепенно начинали давить на нервы. К эстраде начинали подходить с большими претензиями. Я написал массу песен – кстати говоря, весьма невинных с политической точки зрения, но спеть их не мог. Что там политика – даже невинную песню “Кто виноват?” подвергли остракизму. И знаешь почему? Потому что “излишне лирична”! И угораздило же ее прозвучать по телевидению 7 ноября, когда лирика была вне закона!... А окончательно меня добила присланная на телевидение инструкция, запрещавшая наличие “более трех синкоп при исполнении произведения для публики”. Бред, маразм какой-то: неучи, не умевшие отличить синкопу от синьки, указывали, как мне петь! И я понял: надо уезжать...

– 1974 год, вы – в Нью-Йорке! Что же – свобода, можно творить, исполнение всех желаний, романтика?

– Тебе, наверное, не терпится узнать мой “послужной список”? Изволь! Таксист, мойщик стеккол, уборщик, помощник медсестры, курьер... Да чтобы все перечислить, у вас в газете места не хватит. Романтика? Было и такое: меня в бытность мою таксистом четыре раза грабили! А получал я тогда по американским меркам гроши... И так продолжалось шесть лет. Но я мечтал о карьере музыканта и каждый лишний доллар откладывал, чтобы снять студию – ненадолго, на часок-другой. Музицировать приходилось по ночам – так было дешевле. А с утра на работу, так что спать приходилось по 2 – 3 часа в сутки.

– И при всем этом вы еще ухитрились не только играть, но и сочинять песни!

– Это как раз было не самое трудное. Открой глаза – вот он, сюжет для песни. Передо мной проходила жизнь нового для меня мира – мира Брайтон-бич, мира эмиграции и преступности. И песни я сочинял, не отрываясь от баранки такси... В 1979 году напел свой первый диск – “А жизнь – она всегда прекрасна”. Успеха оно мне практически не принес, равно как и денег...

“Московские новости”, воскресный выпуск

1995. – 19-26 ноября. – С. 14.

– Но зато через два года вы записали “В шумном балагане”, который и сделал Вилли Токарева звездой.

– Это было счастливое время! Мои кассеты слушали в Америке и – что было для меня главным – в Советском Союзе. Их слушали, несмотря на строжайшие запреты, все – от подростков в пионерлагерях до пенсионеров. Я начал работать ресторанным певцом. Тогда же познакомился с прекрасным человеком и моей бесценной помощницей Ириной Ола. Мы работали вместе почти 15 лет, и во многом благодаря ее помощи я стал таким популярным. Мы пели в крупнейших русских ресторанах Брайтона – от знаменитого “Садко” до “Одессы”.

– Но вашу американскую популярность не сравнить с популярностью на родине! Там – рестораны, здесь – многотысячные концертные залы и постоянные аншлаги...

– В Америке я стал знаменитым и счастливым. Чего это мне стоило – сами знаете. Америка – это свобода, Америка – это страна, где всегда можно начать с нуля. Но Россия – это что-то большее, чем страна, где ты родился, где ты живешь.

Я люблю Америку, но всегда пел для России. О ней и для нее – все мои двадцать с лишним альбомов. И я страшно волновался, когда первый раз после многих лет оказался на родине. Это было в 1989 году: тогда “Мелодия” выпустила мой диск “Над Гудзоном”, а я отправился в турне по тогда еще Советскому Союзу. И только когда увидел, сколько здесь любителей и ценителей моего творчества, понял: я состоялся как музыкант, да и как человек тоже.

– Во время одного из первых своих визитов в Россию вы женились... Неужели в Америке Вилли Токарев так и не встретил любимую женщину?

– Русские женщины – самые лучшие в мире! Жаль, что сами они об этом не подозревают... Конечно, и до Светы у меня были увлечения. Но она – первая моя настоящая любовь. Мы уже четыре года живем в полном согласии, растим сына...

А свадьба у нас была хорошая, добрая. Пришли все друзья, которых я не видел уже много лет. Даже Горбачев прислал букет роз... А больше всего меня обрадовало то, что Светлана моей маме пришла по душе.

– Теперь у вас есть все... И вы – в России, где вас всегда будут ждать и любить? Не грустно ли вам от сознания того, что время борьбы и поиска уже позади, что вы на время? И возраст...

Может, не надо об этом? Мой возраст... Я сейчас чувствую себя бодрым и здоровым, полным сил – и физических, и душевных, и творческих. Хотите, хоть сейчас пятикилометровку наперегонки сплываем? А выход двадцати альбомов не значит, что я не смогу напеть еще десяток-другой! Конечно, тематика песен будет уже несколько другой... Сейчас в моих песнях стало больше лирики: но Токарев всегда останется Токаревым.

Андрей МАРТЫНЕНКО
Фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА

Вго безумно любили при застое. Любят и теперь. Да и как можно не любить его – несправимо солнечного джентльмена с роскошными усами и манерами денди?

– А как вас зовут на самом деле, Вилли Иванович?

– Представьте – так и зовут! Правда, если быть точным, то не Вилли, а Виллен, “Владимир Ильич Ленин”... Интересно, задумывался ли кто-нибудь из чиновников, запрещавших меня в свое время, чье имя носит “предатель” и “отщепенец”? Я считаю, что с именем мне повезло – даже псевдонима не понадобилось!

– Вы никогда не задумывались, как видится ваша биография тем, кто слушает ваши песни?

– Сейчас я вам расскажу! (Смеется). Родился я, конечно же, в Одессе, разумеется, еврей. С самого детства пошел по кривой дорожке, воровал, был в банде, сидел... Ну и так далее. А на деле все было гораздо проще. Родился я на хуторе Чернышов, в Краснодарском крае, моя мать, кстати, до сих пор там живет. Не сидел, в банде не был – хотя всю жизнь был... ну если не бунтарем, то крайне независимым человеком. Евреем пока что не стал. А Одессу действительно люблю, хотя никогда там не жил.

– Значит, вы были обычным пацаном, о славе всенародной не помышляли. А о музыке-то думали с детства или пришло уже в зрелом возрасте?

– Пожалуй, мне на руду было написано стать музыкантом. Ведь я свой первый хор знаешь когда создал? В шесть лет! А в одиннадцать начал писать стихи. В двенадцать стал играть на балалайке... Потом на всех струнных, до которых мог дотянуться. Кстати, балаласчик из меня до сих пор неплохой... Ну вот, а в четырнадцать лет начал на собственные стихи писать музыку.

– ...Однако поступать решили в мореходку!

– Море – моя болезнь! Я его полюбил с пятнадцати лет – мы тогда переехали жить в Каспийск. Из моря я в детстве не вылезал и спокойно проплывал зараз километров по пять.

В мореходку меня сначала не взяли – подвело зрение, хотя мои усы и оценки экзаменаторов устраивали. Но я через год добился своего и, сбегав из дома, поступил на курсы котельных машинистов. А вскоре отправился в первое плавание. Стал настоящим “морским волком” и был абсолютно счастлив... до тех пор, пока меня не разыскал отец и буквально не стащил с корабля.

– И когда же вы решили заниматься музыкой всерьез?

– Решил не я – судьба решила. Оказался я как-то после армии в Ленинграде. Иду по улице, смотрю – пожилой человек контрабас тащит, из сил выбивается. Ну, я и подсобил маленько, проводил их обоих до дома. А там меня пригласили на чай, разговорились... В результате через некоторое время я обнаружил себя прилежным учеником маэстро. Как оказалось, способности у меня были хорошие – уже через две недели я управлялся с контрабасом, как некогда с балалайкой. А